

Гуань Юань увидел, как Гуань Маньку вошел во двор к старосте, тихонько обошел дом сзади и начал подслушивать. Через некоторое время он услышал голос старосты:

— Гуань Маньку? Почему ты не на поле, а здесь? Что тебе нужно?

Сначала послышался шелест одежды, а затем удивленный голос старосты:

— Ты... что это ты делаешь?

— Староста, я знаю, что поступил неправильно, но это всего лишь один раз. Я больше не могу, пожалуйста, проявите великодушие и отпустите меня, — это был голос Гуань Маньку.

— Кхе, кхе, товарищ, как ты можешь так говорить? Мы все работаем на благо народа, конечно, нужно дать шанс исправиться. Раз ты осознал свою ошибку, цель критики достигнута.

Гуань Маньку обрадовался и забормотал:

— Спасибо, староста, спасибо!

Вскоре Гуань Маньку вышел из дома старосты и, плюнув в сторону ворот, пробормотал:

— Пф, сволочь, только попадись мне в руки.

Гуань Юань, увидев, что Гуань Маньку ушел, тихонько вышел из-за двора и быстро побежал на поле. К счастью, Чжао Шэнгу не заметил, что он уходил, иначе пришлось бы искать оправдание.

Гуань Юань сел на землю и размышлял, откуда у Гуань Маньку деньги. Может, он раньше брал взятки? Нет, даже если он и брал, то немного. Тогда откуда? Вспомнив слова Гуань Маньку вчера, он подумал: «Может, он украл деньги у Ян Сюцуй? Если так, то это действительно собака собаку грызет». Ха-ха.

— Сяо Юань, о чем думаешь, так радуешься? — Чжао Шэнгу подошел во время перерыва и увидел, как тот сидит один и хихикает.

Гуань Юань хотел было рассказать, но вспомнив, что это выдаст его тайное отсутствие, быстро сменил тему:

— Ничего, просто вспомнил, как вчера ел арахис, было так вкусно!

Чжао Шэнгу, услышав это, расстроился:

— Сяо Юань, сегодня на том поле арахиса больше нет...

Гуань Юань пожалел, что нашел такое неудачное оправдание, и поспешил сказать:

— Ничего, я просто шутил. Мне хватило арахиса, правда! — Боясь, что Чжао Шэнгу почувствует себя виноватым, он даже поднял руку, как будто клялся.

Чжао Шэнгу рассмеялся:

— Где ты научился таким штукам? Мне пора на работу, сиди здесь и не бегай.

— Понял, — Гуань Юань широко улыбнулся, показывая свои ровные зубки.

Чжао Шэнгу смотрел на него с нежностью и снова погладил его по голове перед тем, как уйти.

После работы Чжао Шэнгу посадил Гуань Юаня на шею, время от времени подбрасывая его вверх, и тот смеялся от души. Люди, возвращавшиеся с работы, смотрели на них с завистью: ну и балуют же его.

Гуань Юань не обращал на них внимания, наслаждаясь моментом. Однако радостная атмосфера была нарушена, как только они подошли к дому. Еще не войдя во двор, они услышали громкий плач Ян Сюцуй, который звучал искренне, в отличие от ее обычных истерик.

Гуань Юань догадался, в чем дело, а Чжао Шэнгу, ничего не понимая, вошел внутрь. Там он обнаружил, что плачут не только Ян Сюцуй, но и Ян Фэйфан, а Гуань Маньцан, Гуань Маньку и Гуань Хэ выглядели озабоченными.

— О, Боже мой, какой же негодяй осмелился сделать такое? Это же конец для меня... — Увидев Чжао Шэнгу и Гуань Юаня, Ян Сюцуй вскочила с земли. Ее красные глаза были похожи на глаза злого духа. — Скажите, это вы украли деньги из моей шкатулки? Проклятые негодяи...

Чжао Шэнгу сначала не понял, но, услышав обвинение, все понял: скорее всего, их деньги пропали.

— Бабушка Гуань, я не знаю, о чем вы говорите. Сегодня утром мы ушли на работу раньше вас, а вернулись позже. Как я мог украсть ваши деньги?

Ян Сюцуй не сдалась:

— Может, ты украдкой вернулся во время работы...

В этот момент по громкоговорителю раздался голос старосты:

— Учитывая, что товарищ Гуань Маньцан искренне раскаялся в период борьбы с негативными явлениями, партия и народ проявляют великодушие, поэтому решено прекратить критику Гуань Маньцана...

Далее последовала обычная хвала руководству.

Гуань Хэ и Гуань Маньцан сразу все поняли. Гуань Маньцан в гневе швырнул топор и закричал:

— Этот негодяй, второй брат, самовольно украл деньги!

Как раз в этот момент Гуань Маньку вошел в дом, и Гуань Маньцан с Гуань Маньку окружили его:

— Второй брат, это ты украл деньги из дома?

К их удивлению, Гуань Маньку выглядел уверенно:

— А что, если я взял? Вы не спасли мне жизнь, я сам себя спас.

— Ты, негодяй! — Гуань Маньцан хотел ударить его, но Гуань Маньку остановил его. — Второй брат, сколько ты дал старосте?

Гуань Маньку развел ладонь:

— Пятьсот.

— Что?! — Гуань Маньцан и братья еще не успели ответить, как Ян Сюцуй закричала. — О, что же я натворила, вырастив такого негодяя...

Гуань Хэ тоже заговорил:

— Второй брат, ты действительно перешел все границы, самовольно украл деньги. — Сделав глубокий вдох, он добавил:

— Ладно, пусть будет 500, но верни остальные деньги.

К их удивлению, Гуань Маньку отказался:

— Я столько страдал, эти деньги моя компенсация. Мне нужно купить что-то, чтобы восстановить силы.

Ли Юэчжи, очнувшись, с улыбкой сказала:

— Верно, отец ребенка действительно много страдал, нужно восстановить силы, иначе потом будут проблемы со здоровьем!

Ян Фэйфан тут же плюнула:

— Сам виноват, когда брал деньги, не думал о семье, а теперь страдает, это его заслуга. И еще смеет брать семейные деньги на себя, тьфу, не знает стыда.

Гуань Маньцан и Гуань Маньу приблизились к Гуань Маньку, и казалось, что вот-вот начнется драка. Гуань Хэ, сделав глубокий вдох, спросил:

— Второй брат, я спрашиваю в последний раз, вернешь ли ты деньги? Если нет, то я позволю братьям избить тебя, а затем расскажу о твоей взятке старосте. Посмотрим, что ты будешь делать.

Гуань Маньку действительно испугался. Он не ожидал, что Гуань Хэ будет так жесток. Подумав, он решил не рисковать. Если это станет известно, его, вероятно, отправят на перевоспитание на всю жизнь. Вспомнив, что он припрятал лишнюю сотню, он решил, что не в убытке, и покорно вернул остальные деньги.

Ян Сюцуй, получив свои деньги, чуть не заплакала от радости. Она аккуратно завернула их в платок и даже спала, обнимая их.

После этого случая Ян Сюцуй не только стала смотреть на Ли Юэчжи с недовольством, но и на Гуань Маньку злилась. Во время еды привилегии Гуань Маньку исчезли, и дети из его семьи тоже пострадали, получая меньше еды, чем Гуань Юй.

После Нового года незаметно наступила весна, и по краям дорог появилась зелень. Река Юэхэ, протекающая через деревню Гуаньцзя, освободилась ото льда. Название реки происходит от ее формы, напоминающей луну.

Дети, которых держали дома, наконец вырвались на свободу, как птицы из клетки, и повсюду слышались их шалости.

В этот день Гуань Юань сидел на краю поля, уставившись на Чжао Шэнгу, как вдруг кто-то

хлопнул его по плечу. Это был мальчик лет шести-семи, смуглый, с мягкими волосами, лежащими на голове. Увидев, что Гуань Юань смотрит на него, он широко улыбнулся, показывая белые зубы.

Гуань Юань попытался вспомнить, кто это, но ничего не пришло на ум. К этим шалунам у него не было интереса, и он снова повернул голову, уставившись на Чжао Шэнгу. Чем больше он смотрел, тем больше ему нравился Чжао Шэнгу. Он так увлекся, что снова почувствовал хлопок по плечу.

Гуань Юань с раздражением повернулся:

— Что тебе нужно?

Мальчик, увидев, что Гуань Юань повернулся, снова улыбнулся:

— Девочка, ты такая красивая, даже красивее моей тети!

Гуань Юань был шокирован. Сжав зубы, он произнес:

— С какого это ты решил, что я девочка?

Мальчик почесал голову, недоумевая:

— Разве нет? Ты выглядишь как девочка, даже красивее моей сестры.

Гуань Юань был в ярости. Он ненавидел этих шалунов.

— Я мальчик!

<http://bllate.org/book/16465/1494705>